

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ХАРАКСА в 1931, 1932 и 1935 гг.

На южном берегу Крыма, в 10 км к западу от Ялты, на круто поднимающемся над морем Ай-Тодорском холме, находятся развалины древнеримского укрепления Харакс. До сего времени Харакс мало привлекал внимание исследователей, и посвященная ему литература крайне ограничена¹, хотя он находится в поле зрения археологов уже около ста лет².

Раскопки в Хараксе производились, начиная с середины XIX в.³ Но раскопки велись бессистемно, нет раскопочных дневников и отчетов, описей находок и надлежащих чертежей, обнаруженных памятников архитектуры. Поэтому, несмотря на то, что старыми раскопками вскрыта значительная площадь укрепления, в настоящее время исследователь располагает лишь из год в год разрушающимися, сильно заросшими буйной растительностью и частично заплывшими землей руинами античных зданий, назначение и первоначальный облик которых далеко не всегда поддаются восстановлению.

Не лучше, чем с архитектурными остатками, обстоит дело с вещевыми находками из раскопок в Хараксе в 1896—1911 гг.: в Ялтинском музее краеведения находится большая коллекция этих памятников, но полное отсутствие описей не только не позволяет установить, где и при каких условиях они были найдены, но даже не всегда с уверенностью утверждать их происхождение из Ай-Тодора.

Все же эта коллекция дает нам с известной достоверностью представление о характере жизни и занятиях населения. В ней мы находим орудия труда: принадлежности для рыбной ловли (рыболовные крючки, грузила, игла для плетения сетей), для обработки земли (двуконечная мотыга), для мукомольного дела (жернова) и предметы для рукоделий (костяные проколки, костяные и бронзовые иглы и пр.). Несколько свинцовых пластинок и стержней представляют, вероятно, материал для скреп разбитой посуды. К предметам вооружения относятся железные наконечники копий, железные и бронзовые наконечники стрел, а также значительное

¹ Литература о Хараксе собрана в работе В. Н. Дьякова—Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930.

² Р. Кеппен—О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб, 1837, стр. 191 сл.

³ В. Х. Кондрაკи—Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873, часть 1, стр. 169.

количество булыжников в кулак величиной, которые служили ядрами баллист¹. Далее следует отметить глиняную посуду (и многочисленные фрагменты ее), краснолаковую (большей частью с рельефными украшениями), простую—тонкостенную и толстостенную (пифосы); характерны обломки узкогорлых амфор и римских светильников, большей частью покрытых лаком, с рельефными украшениями на щитках. Имеется несколько тер-

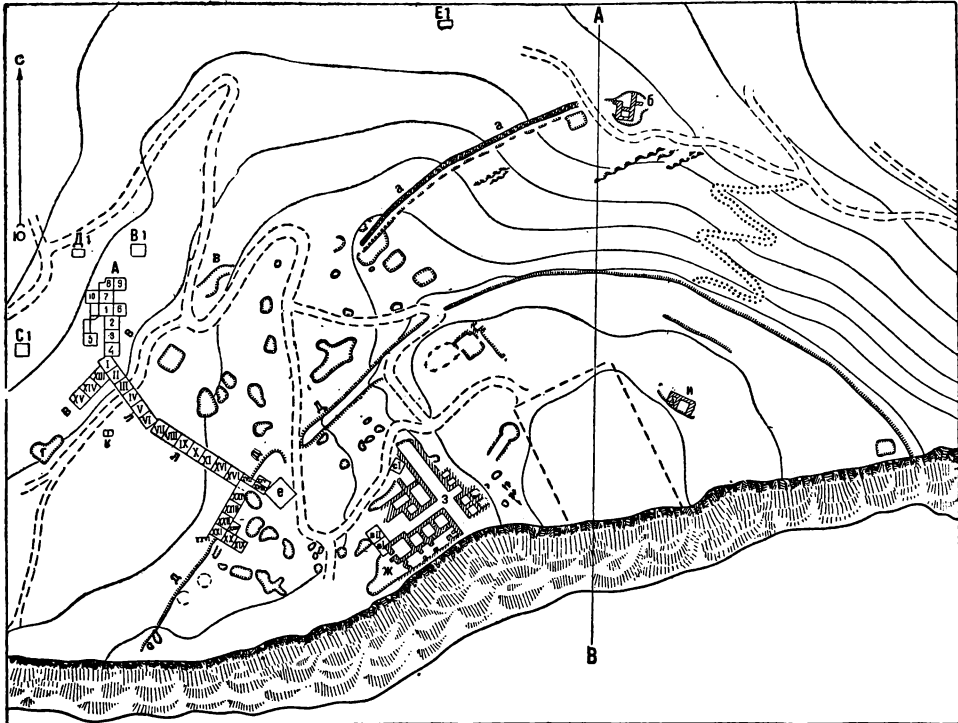

Рис. 1. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ХАРАКСА: а—в—наружная киклопическая стена; б—башня; г—ворота; д—внутренняя оборонительная стена; е—нимфей; жс—термы; з—комплекс помещений с северо-запада от терм; и—раскоп 1931—1932 гг.; к—раскоп 1931 г.; л—пустырь между оборонительными стенами

раковых статуэток и их фрагментов. Местная керамика представлена ручкой сосуда из грубой глины с насечкой. Далее отметим фрагменты стеклянной посуды (прозрачное зеленоватое и бесцветное стекло). Затем следуют различные металлические предметы и фрагменты их: железные конские удила, клинок ножа, гвозди и ключи, а также бронзовые гвозди, гвоздики, ключи и различные бляшки; упомянем еще точильные бруски. Предметы игры и игрушки представляют собой свинцовую кость, колокольчик и астрагалы. Весьма обильны предметы украшений и уборов: различные бусы, серьги, бронзовые кольца, перстни (бронзовые, стеклянные и один золотой), резные камни, бронзовые фибулы, браслеты, пряжки и прочие изделия, исполненные преимущественно из бронзы.

Ряд находок дает нам яркое представление о строительном деле в Хараксе, свидетельствуя о значительной его высоте. Некоторые из найденных кирпичей и черепиц имеют клейма, которые являются весьма важным источ-

¹ Ср. «Arch. Anz.», 1917, 1/II, стр. 3—11, рис. 1—2.

ником для истории Харакса. Клейма эти трех типов. Исследование¹ их показало, что они носят наименование изготовлявших черепицу и кирпичи воинских частей. Первый тип штемпеля может быть прочтен следующим образом:

vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico),

что указывает на оккупацию Харакса десантом моряков Равеннской эскадры, вероятно, происшедшую после походов Плавтия Сильвана (при императоре Нероне). Вместе с тем эти клейма не могли быть позднее эпохи императора Веспасиана, ибо при нем Равеннская эскадра получила (отсутствующее на клеймах) наименование praetoria.

Второй тип штемпеля транскрибируется таким образом:

Per L... A... C(enturionem)
leg (ionis) I It(alicae) praep(ositum)
vex(illationi) Moes(isae) inf(erioris).

Другими словами, этот штемпель относится к векилляции I Италийского легиона, временем оккупации которой Харакса был II в. н. э.

Наконец, третий вид штемпеля был прочтен следующим образом:

Leg(io) XI Cl(audia).

Солдаты XI Клавдиева легиона, упоминаемого на последнем штемпеле, видимо, были последними оккупантами Харакса. В Херсонесе, который во II в. и первой половине III в. н. э. был главным центром римской оккупации Крыма, солдаты XI Клавдиева легиона появляются после слияния последнего с I Италийским легионом². Ориентировочные даты нам может дать следующее: стоявший в эпоху Траяна на Дунае XI Клавдиев легион при Антонине Пие в 155 г.³ квартирует в Мёзии, откуда и посылает векилляции оккупантов в Крым. Вместе с тем в 185 г. начальником римского гарнизона Херсонеса был военный трибун I Италийского легиона⁴.

Памятники лапидарной эпиграфики из Харакса представляют три⁵ довольно высоких алтаря из известняка с посвятельными надписями бенефициариев. Одна из них относится к эпохе Антонина Пия (138—155 гг.), две других—ко II—началу III в. Эти алтари были найдены в расположенном за наружной крепостной стеной на северо-восточном склоне холма святилище бенефициариев. Там же были обнаружены небольшие фрагментированные вотивные рельефы⁶, которые наглядно свидетельствуют о том, культы каких божеств (Дионис, Митра, Гермес, Артемида, Геката, фракийские всадники) были распространены среди солдат гарнизона Харакса. Иконография Диониса и других божеств, не говоря уже о фракийских всадниках, носит явно выраженный фракийский характер⁷, что вполне

¹ О транскрипции и датировке штемпелей см. ЖМНП, 1900, стр. 142—144, 154—158; «Клио» 1902, II, 1, S. 93 ff.; ИАК, вып. 40, стр. 36.

² ЖМНП, 1900, стр. 144.

³ IosPE, № 222, p. 208—209. R. C a g n a t—Legio; D a r e m b e r g e t S a g l i o—Dictionnaire des antiquités, 1086, III, 2; см. также JRS, 1928, XVIII, p. 55.

⁴ IosPE, № 94, p. 70—71.

⁵ ИАК, 1911, вып. 40, стр. 5 сл.

⁶ Там же, стр. 12 сл. Изданные там (стр. 15) под № 8 и 10 фрагменты рельефа, представляющие фракийского всадника, были ошибочно описаны, как части двух различных рельефов.

⁷ Там же, стр. 17 сл., стр. 32 сл.

естественно, ибо войска, оккупировавшие Харакс, комплектовались в северо-восточной части Балканского полуострова. Согласуется с этим и характер¹ монетных находок в святилище: там преобладали монеты придунайских городов.

Другая группа рельефов (фрагментированных) была найдена на западном склоне холма. Вторая группа рельефов, видимо, связана с другим святилищем, вероятно, тоже находившимся за крепостными стенами и посвященным Артемиде, культ которой, нужно думать, носил местный характер.

Кроме того, в Ялтинском музее хранятся два неопубликованных фрагмента: 1) обломок рельефа (выс. 0,08 м) с изображением левой руки с тирсом—повидимому, часть изображения Диониса; 2) нижняя половина рельефа (выс. 0,12 м) с изображением фракийского всадника, под ногами лошади голова кабана.

Упомянем еще грубо высеченную из известняка своеобразную «каменную бабу» (выс. 0,65 м)², служившую, вероятно, надгробным памятником.

Вероятно, с некрополя Харакса происходит большое мраморное надгробие³ (выс. 0,87 м), ныне находящееся в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. На надгробии представлено рельефное изображение фракийского всадника, собаки и кабана, как показывает и надпись: D(is) M(anibus) L. F(urio) Seu(tho) op(tioni) [prae] f(ecti) coh(ortis) I T[hracum]...

Плита служила надгробием Люция Фурия Севта, оптиона префекта I Фракийской когорты, что позволяет предполагать наличие в гарнизоне Харакса наряду с легионерами солдат вспомогательных отрядов.

Мы дали беглый обзор того материала, которым располагал исследователь, приступивший к работе под Хараксом до последних раскопок.

В 1931, 1932 и 1935 гг. производились раскопки в Хараксе, в которых приняли участие: Гос. Академия искусствознания, Московское отделение Гос. Академии истории материальной культуры, Гос. музей изобразительных искусств, Гос. Исторический музей и Центральный антирелигиозный музей.

Раскопки производились в следующих пунктах: 1) в верхней части восточного склона холма в 1931—1932 гг. (*и*), 2) на северо-западном склоне холма, недалеко от крепостных ворот, в 1931 г. (*к*), 3) то же на северо-западном склоне холма, за наружной крепостной стеной, где в 1932 г. был обнаружен некрополь; исследование его было продолжено в 1935 г. Отправляясь от некрополя, раскоп был продвинут вверх, причем были исследованы: наружная оборонительная стена (*в*), пространство между двумя стенами (*л*), внутренняя оборонительная стена (*д*) и небольшая площадь внутри последней. Раскоп А 1935 г. растянулся на протяжении около 105 м. Затем были произведены расчистка и исследование нимфея и терм, причем около последних были вскрыты небольшие площади (раскопы В и С). За пределами Ай-Тодорского холма производились небольшие работы, главнейшей из которых было исследование водопровода, находившегося приблизительно в 700 м на запад-северо-запад от нимфея.

¹ ИАК, стр. 35—36. В Ялтинском музее хранится, помимо перечисленных памятников, коллекция монет из Харакса. О них см. ЖМНП, 1900, стр. 153 сл.; «Клио», 1902, S. 92 ff.

² Ср. G. Kieseritzky und C. Watzinger—Griechische Grabreliefs aus Südrussland, В., 1909, 137, № 747, табл. LV, и особенно 139, № 766, 1—7, табл. LVI.

³ ИАК, вып. 40, 38 сл., табл. III, рис. 3.

Наименее удачными по достигнутым результатам следует признать работы на восточном склоне холма. Они были предприняты в верхней части холма, так как очень крутая нижняя часть покрыта лесом, а средняя повреждена плантажем. Этими раскопками, доведенными до материковой скалы (средняя глубина около 1,00 м, наибольшая 1,65 м), были обнаружены остатки постройки, которая не может быть признана античной; вскрытый около стен культурный слой носил явные следы глубоких повреждений его в XIX в. (когда, видимо, была сооружена и упомянутая постройка).

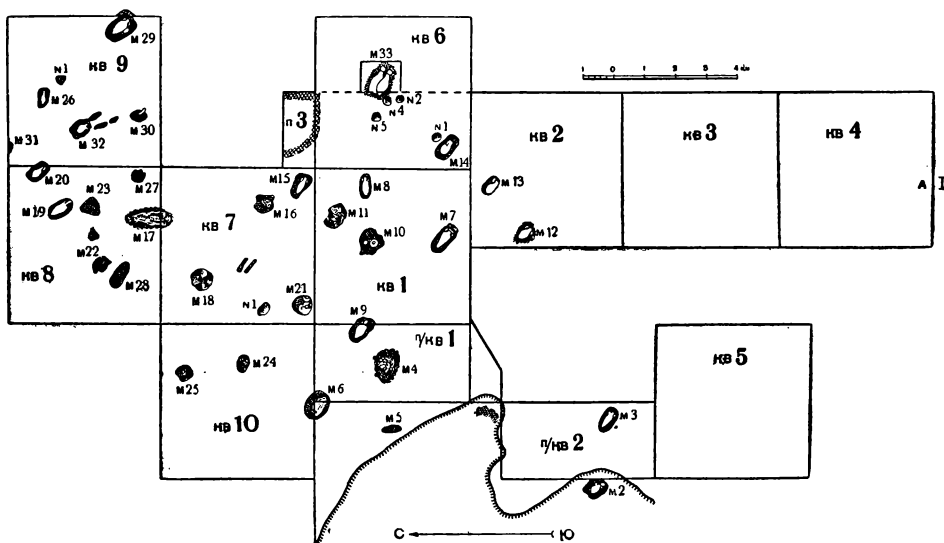

Рис. 2. План некрополя Харакса (раскопки 1932—1935 гг.)

Находки в этом перекопанном слое заключали много предметов, типичных для поселения римского времени, главным образом, фрагменты посуды (краснолаковой, простой, местной) и черепицы, обломки прозрачного стекла, фрагмент бронзовой фибулы (1931 г., № 199 г)¹. Особый интерес представляют, правда, довольно малочисленные, фрагменты керамики эллинистической эпохи и некоторые обломки посуды, которые могут быть датированы временем более поздним, чем середина III в. н. э. Эти находки позволили поставить вопрос о существовании Харакса в доримское и послеримское время, вопрос, к которому мы еще вернемся.

При раскопках 1931 г. на северо-западном склоне холма работы были доведены до материковой скалы (наибольшая глубина 0,45 м), причем никаких архитектурных остатков обнаружено не было. Прочие находки мало характерны и относятся к римскому (частично, возможно, и послеримскому) времени.

Значительно больший интерес представляют результаты раскопок 1932² и 1935 гг. на северо-западном склоне холма, за внешней оборонительной стеной, где был обнаружен некрополь. За два года работ

¹ Ср. ОАК, 189, стр. 30, рис. 90 и стр. 128, рис. 247, гроб. 987.

² Мой краткий отчет о раскопках некрополя 1932 г. (не лишенный досадных опечаток) см. «Проблемы ист. мат. культ.», ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 55—60.

была вскрыта площадь около 272 кв. м (полуквадраты А 1 и А 2 и квадраты А 7—А10).

Работы велись на склоне холма, ближе к его подошве, в сильно пере-сеченной местности, заросшей крупными кустами и деревьями.

Раскопками были обнаружены 33 могилы, сконцентрированные на квадратах А1, А2, А6—А10 и полуквадратах 1 и 2 и их прирезках. Подавляющее большинство погребений представляет кремацию, причем жженые кости покойника часто лежат в остродонной амфоре. Наблюдается постоянная ориентация амфор горлом на юго-восток. Нередко около горла такой амфоры встречались фрагменты местных сосудов из грубой глины, которые, может быть, иногда служили крышками. Реже жженые кости покойников клались в могилу в мягких оболочках (которые не сохранились), еще реже помещались в урну или местный сосуд. В могилах встречались бронзовые пряжки, перстни и фибулы, медные монеты, железные ножи, бусы из стеклянной пасты и других материалов, глиняные сосуды и стеклянные стаканы. Сосуды найдены большей частью раздавленными. Стеклянные стаканы обычно помещались вместе с жжеными костями в амфору, а металлические предметы клали под нее. Большой интерес представляют обнаруженные в могилах орудия труда (топоры, серпы, рыболовные крючки, пряслица), характеризующие занятия погребенных. Находок предметов вооружения довольно мало (кинжалы, наконечник копья).

Над захоронением иногда встречался заклад, выложенный из необработанных камней, засыпавшийся сверху землей.

Приведем описания наиболее характерных погребений.

М о г и л а № 3 (глубина 0,50 м, длина 0,65 м, ширина 0,25 м). Жженые кости лежали в амфоре, ориентированной горлом на юго-восток. Над горлом найдена разбитая чашка из грубой глины. Около амфоры бронзовая и железная пряжки и фрагменты местной посуды. Под амфорой обнаружены обломки местной посуды, бронзовый браслет, нож и кусок железного шлака.

М о г и л а № 6 (глубина около 0,50 м). Жженые кости лежали без оболочки; при них были обнаружены обломки простого сосуда, осколок кремня, фрагменты глиняной посуды, бронзовая пряжка, обломки железа и шесть медных монет¹: 1) императора Траяна (103—111 гг.; *S o h e n*, II, 63, 431; *M o t—S e y d*, II, 281, 521), 2) херсонесская, второй половины III в. н. э. (*Б у р а ч к о в*, XVI, 117), 3) Константина I (306—337 гг.; *S o h e n*, VII, 292, 546), 4—5) Лициния Старшего (307—323 гг.), одна из которых бита в Никодимии (*S o h e n*, VII, 196, 74), а другая—в Гераклее Понтийской (*S o h e n*, VII, 203, 145) и 6) цезаря Константина II (317—337 гг.; *S o h e n*, VII, 384, 161).

М о г и л а № 7 (глубина 0,625 м, длина 1,05 м, ширина 0,45 м). Жженые кости лежали в амфоре. Ориентированное на юго-восток горло ее было закрыто плоским кирпичом (размер 0,27 м × 0,27 м × 0,038 м), покрытым с одной стороны слоем раствора. Под амфорой найдена челюсть свиньи. В могиле обнаружены зубы животных, бронзовые браслеты², пряжка и рыболовный крючок, два железных ножа и топор, а также фрагменты стеклянной и глиняной посуды.

М о г и л а № 10 (глубина могилы 0,68 м, длина 0,57 м, ширина 0,55 м). Могила была покрыта каменным закладом (2,75 м × 2,25 м), под которым

¹ Определение этих монет, равно как и остальных, дано А. Н. Зографом.

² Ср. ИАК, вып. 19, стр. 5, табл. XI, № 7.

находилась пифосообразная простая урна с жжеными костями; среди них был тонкостенный стеклянный сосуд. Раздавленная простая чашка покрывала урну. Около урны найдены: глиняный кувшин, два осколка кремня, железные серп, нож, пряжки и различные обломки, три бронзовых рыболовных крючка и обломок пряжки, а также три медных монеты: 1) Константина I, чеканенная после его смерти (г. е. 337 г. н. э.), 2) боспорская, Рискупорида VII (314 или 317 г. н. э.) и 3) тоже Рискупорида VII (327 г. н. э.).

М о г и л а № 11 (глубина около 0,50 м, длина 0,64 м, ширина 0,50 м). Жженные кости лежали без оболочки, среди них обнаружены два бронзовых обломка. В могиле были найдены: лежавшие вместе клинок кинжала с зубцами у основания хвоста¹, серп и железная ручка щита; отдельно от них железный умбон² щита, внутри которого были железный нож и пять бронзовых предметов: два перстня, два рыболовных крючка и кольцо. Кроме того, обнаружены фрагменты глиняной посуды, обломок стеклянного сосуда, куски шлака и угля. Грунт ложа могилы был сильно прожжен.

М о г и л а № 16 (глубина 0,60—0,67 м). Жженные кости лежали без оболочки, компактной массой; около них найдены фрагментированный клинок ножа, несколько обломков железа, бронзовая пряжка и пять медных монет: 1) Форорса (291 г.), 2) Форорса (297 г.), 3) римская (начала IV в. н. э.; Соһен, VII, 331, 231), 4) Констанция II (323—335 гг.; Соһен, VII, 465, 169) и 5) Рискупорида VII (324 г.).

М о г и л а № 18 (глубина 0,45—0,76 м, длина 0,85 м, ширина 0,70 м). Жженные кости лежали без оболочки, около них найдены одноручный стеклянный кувшин, бронзовая ойнохая с железной ручкой, наконечник копья, топор, ножи, обломки их и других железных предметов, бронзовый браслет и фрагменты двух других, обломки бронзы, точильный камень, два пряслица (алебастровое и стеклянное), овальная вставка из белой пасты, десять бус, фрагменты глиняной и стеклянной посуды, а также четыре медные монеты: 1—2) Форорса (286 и 297 гг.), 3) Максимиана (286—305 гг.; Соһен, VII, 151, 187), и 4) Гордиана III Антониана (238—244 гг.).

М о г и л а № 22 (глубина 0,50 м, длина 0,85 м, ширина 0,57 м). Под закладом из камней, беспорядочно лежащих на глубине 0,03—0,14 м, обнаружена амфора с жжеными костями, ориентированная горлом на юго-восток. Среди костей найдены обломки бронзового браслета и медная монета Лициния (307—323 гг.; Соһен, VII, 196, 70). Около амфоры обнаружены дно другой амфоры и небольшой горшок из серой глины.

М о г и л а № 29 (глубина 0,65—0,98 м, длина 0,90 м, ширина 0,75 м).

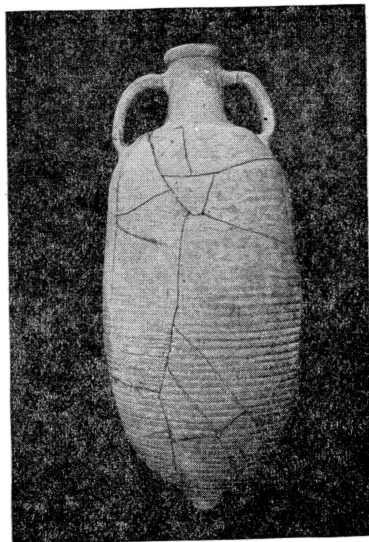

Рис. 3. Остродонная амфора (выс. 0,80 м) из могилы № 29 (Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина)

¹ ИАК, вып. 56, стр. 125—126, рис. 1—6.

² Ср. железный умбон Керченского музея. Дополнит. описание, 23, V, 9.

Жженые кости лежали в амфоре, ориентированной горлом на юго-восток. Около нее найдены три краснолаковых миски и одноручный глиняной кувшин. В амфоре среди костей был стеклянный стакан. Под амфорой лежал пласт золы (0,01—0,08 м толщиной), в которой были найдены подвергшиеся действию огня стеклянный сосуд и несколько бус, фрагмент стекла, несколько железных предметов (может быть, удила), бронзовый рыболовный крючок, пряжка, поврежденная фибула и колечко с бусами, сварившееся с фрагментом железа, кусок шлака и четыре медных монеты: две—Рискупорида VII (323 и 325 гг.) и две с совершенно разрушенной поверхностью.

Могила № 32 (глубина 0,45—0,62 м, длина 0,58 м, ширина 0,54 м). Жженые кости лежали в одноручном лепном кувшине из грубой глины,

Рис. 4. Могила № 33

ориентированном горлом на юго-восток. Около дна сосуда найдена большая буса. Около горла кувшина с костями обнаружены три камня, расположенные в форме буквы П; возможно, что это—укрепление надгробного памятника, одновременное с могилой (между камнями и около сосуда с костями встречались обломки одного и того же тонкостенного кувшинчика).

Могила № 33 (глубина 0,39—0,60 м, длина около 1 м, ширина 0,75 м). Под закладом из камней, лежащих на глубине 0,32—0,44 м, длиной 1 м и 0,72 м шириной, лежали

две амфоры с жжеными костями покойников, ориентированные горлами на юго-восток. Горла были закрыты обломками соленов; между ними было много фрагментов грубых сосудов. Около одной (ю.-з.) амфоры найдено глиняное пряслице, а внутри нее, среди костей, три стеклянных стакана с синими глазками, сломанный детский браслет и клинок ножа. Около другой амфоры (с.-в.) обнаружена бронзовая фибула, а внутри нее, среди костей, стеклянный стакан с синими глазками.

Время, к которому относятся могилы 1932—1935 гг., судя по обнаруженным в них вещам и монетам,—конец III—первая половина IV в. н. э., т. е. эпоха после эвакуации римлянами Крыма.

Нужно думать, что в данном некрополе погребались потомки романизированного туземного населения, культура которого носила смешанный характер. Об этом свидетельствует погребальный ритуал. Видимо, результатом романизации является сжигание покойников; на долю туземного населения приходится обычай класть в могилу местные лепные сосуды из грубой глины и осколки кремней, которые встречались в некоторых могилах.

Довольно бедный характер погребений (золота в них не встречается вовсе, серебра очень мало, украшения весьма скромны и малочисленны)

и найденные в могилах орудия труда позволяют предполагать, что в этом некрополе погребали, главным образом, трудовое население.

Отметим, наконец, что отличающийся очень компактным расположением некрополь 1932—1935 гг. вряд ли был обширным. Как показали раскопки квадратов А2, А3, А4 и А5, могилы (в данном месте) не доходили до стены, оканчиваясь на расстоянии, примерно, 10—12 м от последней. Разбитые недалеко от основного раскопа А три пробных раскопа (на расстоянии 21 м на запад, квадрат С; 11 м на север—полуквадрат Д1; 7,5 м на северо-восток—квадрат В 1¹) не дали находок могил, что делает возможным предположение о сравнительно небольшой площади нашего некрополя, даже если принять во внимание, что часть могил, вероятно, погибла при земляных работах, производившихся на запад от участка 1932 г. В юго-восточном углу квадрата А4 была обнаружена внешняя сторона наружной оборонительной стены; к тому же квадрату примкнул квадрат

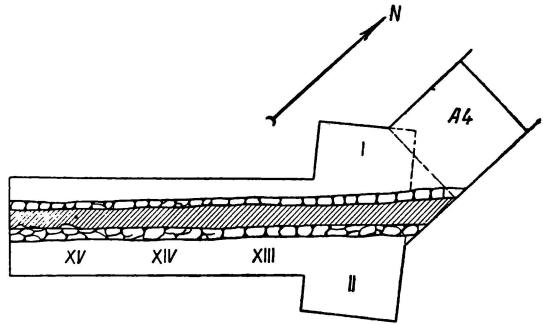

Рис. 5. План наружной оборонительной стены (раскопки 1935 г.)

Рис. 6. Наружная оборонительная стена

А1, начинавший большой раскоп (город А), прорезавший пространство между наружной и внутренней стенами и пересекавший их.

¹ На квадрате В 1 были обнаружены следы, повидимому, древней кремации. Помимо перечисленных (В, С, Д) раскопок некрополя, был исследован также не давший могил полуквадрат Е 1, разбитый в 146 м на северо-восток от раскопа А, и на запад-северо-запад от башни в районе святилища бенефициариев.

Квадратами А I, А II, А XIII, А XIV и А XV была захвачена наружная стена с примыкающим к ней пространством. Здесь стена имела направление с юго-запада на северо-восток, толщина ее была 2,20—2,40 м; кладка стены значительно отличалась от расположенной на восток от нее киклопической стены: она имела с внутренней и наружной стороны сложенные из довольно больших камней панцыри, пространство между которыми заполнял бут. С внутренней стороны стена сохранилась в высоту на 1,40—2,20 м, с наружной лишь на 1 м. Верхняя часть стены рухнула, главным образом, на северо-западе, образовав мощный завал, тянущийся на 4—5 м. В завале стены и культурном слое под ним встречались фрагменты простой грубой и краснолаковой посуды, а также строительной керамики, в том числе обломок черепицы с клеймом вексилляции Равеннской эскадры. В пласте глины, подстилающей основание стены, обнаружены фрагменты краснолаковой посуды, заставляющей датировать стену римским временем.

На квадратах, примыкающих к стене с внутренней стороны (А II, А XIII, А XIV и А XV), на материковой скале лежал слой глины, заключающий находки в подавляющем большинстве I—III вв. н. э. (обломки краснолаковой и простой посуды и прозрачного стекла); среди них встречались единичные фрагменты эллинистического времени и более поздней эпохи (III—IV вв. н. э.). Расположение находок и характер грунта заставляют считать его одним культурным слоем и датировать I—IV вв. н. э. (единичные эллинистические фрагменты, указывая на известные формы жизни на Ай-Тодорском холме до римлян, не дают основания датировать данный культурный слой более ранним временем). В силу этого можно предположить, что стены были построены еще в эпоху первой оккупации (вторая половина I в. н. э.) и просуществовали, может быть, подвергаясь ремонтам, до IV в. н. э.

Над глиной лежал мощный (толщиной 1—1,5 м) серый глинистый культурный слой, образовавшийся в результате наплыва. Сползая с холма, этот грунт задерживался стеной и скоплялся в большом количестве. Исследование квадрата А III показало, что серый грунт исчезает в 6 м от стены. Находки в этом грунте относятся к I—IV вв. н. э., другими словами, культурный слой или слои, которые, оползая, образовали это скопление, были одновременны с нижним глиняным слоем у стены.

Над серым глинистым слоем лежал гумусный (толщина 0,40 м), заключающий также культурные остатки.

Квадраты А II—А XII между наружной и внутренней стеной не дали остатков архитектурных сооружений.

В силу отсутствия правильных культурных напластований представляется возможным датировать культурные остатки только в целом (без дальнейшего расчленения на слои). Находки—в основной массе керамика (обломки краснолаковой посуды, остродонных и узкогорлых амфор, местных сосудов, черепицы и пр.), относятся, главным образом, к эпохе римской оккупации (середина I в.—середина III в. н. э.); незначительная часть датируется более ранним временем (например республиканский денарий 81 г. до н. э. и ручка раннеэллинистической остродонной амфоры, найденные на квадрате А II). Обильнее памятники III—IV вв. н. э. (горла и ручки поздних амфор, обломки реберчатых сосудов), частично аналогичные находкам на некрополе 1932—1935 гг.

Суммируя наши наблюдения, мы должны заключить, что междустенный участок, вскрытый в 1935 г., представлял пустырь, возможно, имев-

ший стратегическое назначение, подобно интервалам между крайними палатками и валом в римском лагере, по Полибию (VI, 31, 10—14).

Следующей группой квадратов (А XVI—А XXVII) была обследована верхняя оборонительная стена и прилегающие к ней площади. Культурные напластования в этом участке довольно значительны (они достигают на квадрате А XVI 3 м толщины). Направление обнаруженной стены—с юго-запада на северо-восток, сохранность ее хуже, чем нижней.

Стена сохранилась в высоту с внутренней стороны на 2—2,50 м, с наружной до 1,40 м, толщина ее 3 м, слой грунта над внутренним панцырем стены очень тонкий—0,10 м, над наружным—0,65 м.

Датировку верхней стены определяют найденные в кладке ее фрагменты черепицы с клеймом вексилляции Равеннской эскадры, а равно и обломки краснолаковой посуды и прозрачного стекла, обнаруженные в забутовке и в нижнем культурном слое у стены, указывающие на сооружение ее в римское время, возможно, в эпоху первой оккупации, т. е. в I в. н. э. Наличие более поздних (II—III вв. н. э.) остатков в культурном слое под стеной на квадратах А XVI—А XVII заставляет предполагать, что стена в последнее время ремонтировалась.

Внутри верхней оборонительной стены было обнаружено два примыкающих к ней помещения, одно из которых, повидимому, некоторое время использовалось, как склад (квадрат А XXVII); другое, судя по обилию золы на вымостках, могло служить жилым (или караульным) помещением (квадрат А XX). При этом раскопками обнаружено наличие трех строительных периодов на квадрате А XX и двух—на квадрате А XXVII; эти периоды могут быть сопоставлены в хронологическом отношении с историческими данными об оккупантах Харакса. Последние результаты особенно существенны, ибо до раскопок 1935 г. проблема многосложности культурных напластований Харакса даже не вставала.

На юго-восток от квадратов А XVI и А XVII были частично вскрыты квадраты А XXV и А XVIII, которые подвели раскоп к открытому старыми раскопками бассейну—нимфею. Этот бассейн, не обмеренный в свое время, был использован, как яма для свалки мусора, поэтому для производства обмеров и фотографирования его пришлось зачистить. Как показала зачистка, нимфей представлял большую прямоугольную в плане цистерну, углы которой ориентированы по странам света. Длина (с северо-востока на юго-восток) равна 9 м, ширина 7,7 м. Стены нимфея сохранились на 2,55 м в высоту. Вдоль юго-восточной стороны бассейн снабжен лестницей, идущей до дна его; на остальных сторонах почти отвесные стены образуют

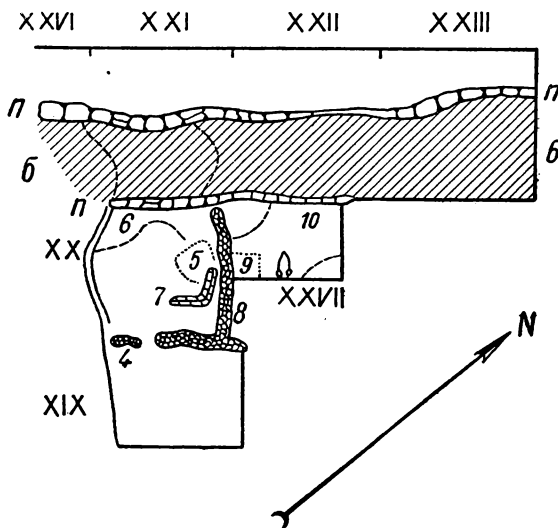

Рис. 7. План верхней оборонительной стены: п—панцырь; б—бут; 4—8—стена; 7—стена; 5, 9—верхние вымостки; 6, 10—нижние вымостки; на квадрате XXI в стене пролом

небольшой уступ. Пол нимфея ровный, постепенно понижающийся к северо-востоку, где в нижней части стены находится слив (отверстие его около 0,20 м в диаметре). Стены нимфея имеют сложную облицовку: щебневая забутовка по цемянке покрыта цемянкой с черными включениями, на которой, наконец, лежит цемянка, смешанная с толченой керамикой.

Исследование прилегающих к нимфею квадратов позволяет установить, что нимфей сооружен над скалой, а не вырублен в ней. Затем следует отметить обилие фрагментов черепиц, найденных на квадратах, примыкающих к нимфею (А XVIII и А XXV); это свидетельствует в пользу существования перекрытия над цистерной.

При зачистке здания терм установлено, что оно сооружено не одновременно: древнейшая часть его—ближайший к морю (ю.-в.) ряд помеще-

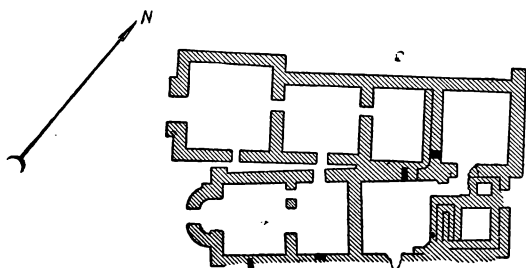

Рис. 8. План терм

ний, служивших баней. Другой (с.-з.) ряд помещений не одновременен с первым и, нужно думать, относится к двум строительным периодам. Наглядно об этом свидетельствует следующее обстоятельство: четыре северо-восточных помещения имеют общие внутренние стены, между тем как у четырех юго-западных помещений ближайшие к морю

комнаты отделены от дальних двойными непараллельными стенами (расстояние между ними 0,25—0,45 м). Посередине северо-западной стены¹ комнаты в западном углу здания находится перекрытый аркой пролет; в арке обнаружен фрагмент черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона, что заставляет датировать помещение временем последней римской оккупации. Что же касается юго-восточного ряда комнат, то наиболее вероятной датой их является эпоха Равеннской эскадры, судя по сходству кирпичей пола в соседнем с бассейном (втором от восточного угла) помещении с клейменными кирпичами Ялтинского музея.

При расчистке терм обнаружены в ряде помещений фрагментированные водопроводные трубы, во внутренних стенах трех комнат северо-западного ряда выявились просветы, имевшие арочные перекрытия и служившие, вероятно, для теплопроводов. Наконец, отметим у юго-западной стены здания остатки разрушенной лестницы, указывающей на существование второго этажа.

Около западного угла терм была вскрыта небольшая площадь (квадраты VI и VII). Раскопками была обнаружена на глубине 0,80 м вымостка из известнякового раствора с мелкой галькой, битым черепком и каменными плитками, лежащая на бугре. Вымостка находилась к северо-западу от того помещения терм, которое датируется черепицей XI Клавдиева легиона, и, нужно думать, была одновременна с последним. Рядом с вымосткой, на северо-запад от нее (на квадрате VII), обнаружена монументальная кладка из камней на глине, связанная со второй вымосткой на известковом растворе с мелкой галькой и камнями (лежащей на глубине

¹ Эта стена выложена из плохо прилегающих один к другому различной величины камней с прокладкой из кирпичей и обломков черепицы на известковом растворе с примесью мелкой гальки и черепка.

1,15 м). Это заставляет нас отнести стену к более раннему строительному периоду, чем эпоха XI Клавдиева легиона. Вместе с тем эта кладка является частью комплекса помещений, расположенных к северо-западу от терм.

К северо-западу от этого комплекса на квадрате С I были обнаружены остатки трех строительных периодов: в первом найдена известковая вымостка (глубиной 0,42—0,55 м); во втором (глубиной 1,55 м)—плохо сохранившиеся кладки, продолжение комплекса к северо-западу от терм; в третьем (глубиной 2 м)—цементированный открытый водосток.

Подведем итоги результатам работ в районе терм. Здесь в некоторых пунктах мы наблюдаем обычное послонное напластование (квадрат С I); в других местах (терм) здание, продолжая существовать, получает пристройки, относящиеся к другим строительным периодам.

Таких строительных периодов в районе терм может быть намечено три. Древнейший (вторая половина I в. н. э.) может быть связан с оккупацией Ай-Тодора моряками Равеннской эскадры; к нему относятся юго-восточный ряд помещений терм и водосток на квадрате С I. Второй период (первая половина и начало второй половины II в. н. э.)—эпоха вексилляции I Италийского легиона; к этому времени относятся комплекс помещений к северо-западу от терм, стены на квадрате С I, монументальная кладка и нижняя вымостка на квадрате В II и, возможно, северная часть здания терм. Третий период (конец II в.—первая половина III в. н. э.)—эпоха вексилляции XI Клавдиева легиона; к этому периоду относятся помещения в западном углу терм и вымостка на квадрате В I.

Помимо описанных работ, экспедиция 1935 г. расчистила и зафиксировала участок римского водопровода, находящегося на огороде, приблизительно в 700 м на запад-северо-запад от нимфея. Водопровод имел направление на нимфей, голова его, вероятно, была у подножия Ай-Петри. Водопровод был прослежен на 2,60 м (семь труб); разница уровней на этом отрезке была 0,18 м.

Вернемся снова к раскопкам на Ай-Тодорском холме и рассмотрим бегло находки городских квадратов. Как всегда, доминируют фрагменты глиняной посуды: краснолаковой, простой, остродонных и узкогорлых амфор, толстостенных и тонкостенных сосудов, реберчатых, а равно и посуды из коричневой, сероватой и грубой глины; попадались глиняные светильники и их обломки. Среди обломков черепиц и кирпичей некоторые имели клейма вексилляций Равеннской эскадры, XI Клавдиева и I Италийского легионов.

Реже встречались обломки стеклянной посуды, а также и металлические изделия и их фрагменты. Найдено несколько монет, медных и серебряных.

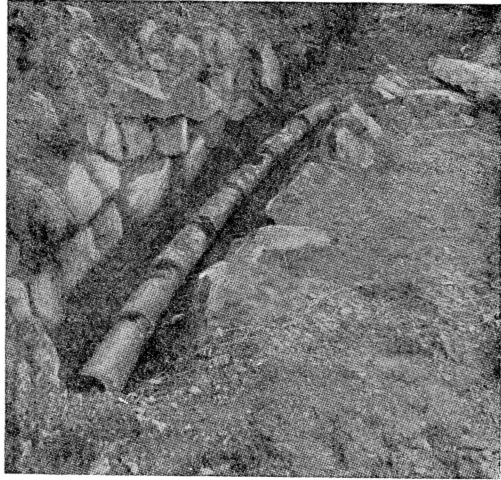

Рис. 9. Водопровод (в 700 м к западу-северо-западу от нимфея)

Немногочисленны предметы из кости: проколки, моталка для ниток и прочие обломки. Памятники искусства встречались редко.

Перечисленные находки позволяют сделать ряд наблюдений. Фрагменты простой керамики далеко превосходят числом местную посуду, в частности, грубую. Это обстоятельство, наряду с обилием характерно-римского строительного материала (кирпичи, раствор, черепица), свидетельствует о том, что культурный уклад жизни в Хараксе имел античный¹, а не туземный характер.

Затем отметим небольшое, по сравнению с простой посудой, количество обломков краснолаковой; и особенно стекла. Бедность Харакса этими находками резко заметна при сравнении его с богатыми поселениями Причерноморья (Пантикапей, Ольвия) и, наряду с небольшим количеством художественных произведений из серебра, она наглядно свидетельствует о довольно скромном достатке населения Харакса—гарнизонных солдат и ремесленников.

Обильные находки костей животных свидетельствуют о развитии скотоводства в Хараксе. Встречались кости овец, крупного рогатого скота, свиней; затем лошадей и коз, значительно меньше—собак, кур и гусей. На занятие охотой указывают клыки кабанов и медведя. Рыболовство засвидетельствовано немногочисленными находками костей (и большой коллекцией рыболовных орудий, добытых старыми раскопками). Наконец, отметим находки раковин моллюсков и клешни краба.

Часть перечисленных находок иллюстрирует занятие населения Харакса скотоводством и рыбной ловлей. На занятие ай-тодорского населения гончарным и металлургическим делом указывают находки шлаков. Находки мотыги (старые раскопки) и обломков жерновов свидетельствуют о занятии сельским хозяйством и мукомольным делом.

В итоге исследования Харакса можно наметить основные моменты в истории Харакса. Укрепление на Ай-Тодорском холме возникает, нужно думать, задолго до прихода римлян. Киклопическая стена² на северном склоне холма, резко отличающаяся по своей кладке от других сооружений Харакса, относится к древнему укреплению тавров. Отсутствие культурных напластований доримского времени на территории внутри стены и малочисленность ранних находок заставляют предполагать, что Харакс в эту пору представлял собой не постоянное поселение, а временное убежище тавров на случай военной опасности (*refugium*). Точно датировать время возникновения этого укрепления очень трудно: известным указанием могут служить находки доримского времени, относящиеся к IV—I вв. до н. э.

При Нероне (54—68 гг.) после удачных походов правителя Мёзии Т. Плавтия Сильвина римляне появляются в Крыму, причем главным опорным пунктом их служит Пантикапей. В это время Харакс занимает, по всей вероятности, десант моряков Равеннской эскадры. Сооруженные римлянами оборонительные стены и нижний культурный слой, обнаруженный раскопками в помещениях внутри верхней стены, а равно юго-восточная часть здания терм являются вещественными остатками этой оккупации. При Домициане (81—96 гг.), вероятно, последовала эвакуация римлянами Крыма, и вторично он был занят уже во II в. н. э., когда опорным пунктом римской оккупации стал Херсонес. Гарнизон Харакса во II в.

¹ Этому не противоречит и основной характер других находок.

² «Известия Тавр. общ. ист., арх. и этн.», 1, 1927, стр. 129.

состоял из солдат I Италийского и позднее XI Клавдиева легиона. В эту эпоху сухопутное сообщение с Хараксом было предметом особых забот римлян, как на это указывает наличие особого поста дорожных наблюдателей (бенефициариев). К данному периоду относятся средний и верхний культурные слои.

Оккупация Харакса продолжалась до середины III в. н. э., когда, в беспокойную эпоху морских разбоев готов, римляне эвакуировали Крым.

Мы уже упоминали, что дата культурных слоев Харакса, заключающих архитектурные остатки и правильные напластования, не выходит за пределы середины III в. н. э. Но наряду с многочисленными находками эпохи римской оккупации, при раскопках поселения встречались более редкие и менее значительные¹ находки III—IV вв. (простая посуда). Но эти находки не образуют настоящего культурного слоя и лишь свидетельствуют об известных формах жизни на Ай-Тодорском холме после римской эвакуации. Возможно, что оставленные римлянами укрепления в течение некоторого времени служили временным убежищем (*refugium*) для окрестного населения. С этим позднейшим периодом существования Харакса связан некрополь, исследованный в 1932—1935 гг. Находки в могилах конца III—первой половины IV в. н. э. позволяют предполагать, что в них похоронены небогатые поселенцы, вероятно—потомки романизованного туземного населения.

В заключение остановимся на добытых раскопками монетах, которые позволяют нам сделать некоторые выводы. Находки в городских слоях 1935 г. близки по характеру известным нам по литературе находкам старых раскопок. Именно, небольшая часть их относится ко времени до середины I в. н. э., все же остальные приходятся на период с середины I в. до середины III в. н. э., т. е. на время оккупации Харакса. При этом большинство и старых и новых находок представляют монеты херсонесские и римские императорские.

Совершенно иную картину дают монеты, происходящие с некрополя. Монеты, найденные в могилах, в подавляющем большинстве относятся ко времени после эвакуации римлянами Крыма. Преобладают монеты трех последних десятилетий III в. и трех первых десятилетий IV в. н. э. (самая поздняя из этих монет—337 г., из могилы № 10). При этом из монет 17—римских императорских, 17—боспорских и только 2 херсонесских. Другими словами, занимавшие видное место до середины III в. н. э. херсонесские монеты в более позднее время отступают на второй план; вместе с тем заметно выдвигаются монеты Боспора.

Это явление нельзя считать случайным. Харакс, служивший в эпоху оккупации своего рода форпостом Херсонеса, разумеется, был теснейшим образом связан с главной римской базой в Крыму во II в. и в первой половине III в. н. э. После же ухода римских войск Херсонес должен был утратить свое исключительное значение для Харакса, в силу чего могло появиться некоторое тяготение последнего к Боспору², свидетельством чего является отмеченный нами приток монет.

¹ Вне некрополя не было найдено ни одной монеты позднее середины III в. н. э.

² Это явление представляет интерес и для истории Боспора, ибо с IV в. н. э. мы располагаем весьма скудными сведениями (RE, III, 7851 ff.).